

Т. Б. Друбецкая

Прошу автограф

В статье рассматривается история нескольких уникальных изданий одной израильской художницы.

Ключевые слова: издание, Талмуд, художник

Недавно моя подруга подарила свою книгу молодому человеку, помогавшему ей переезжать. Она была ошарашена, когда он, прижав подарок к груди, благоговейно сказал: «Это первая книга, которую я получаю из рук автора!».

Мы ведь уже привыкли, что издание книги самим автором из экстраординарного поступка превратилось в дело почти обычное, часто (но не всегда!) не требующее сверхбольших вложений, и к тому, что на полках стоят подаренные пишущими друзьями издания, набранные компьютерным способом и отпечатанные в частных типографиях без всяких иллюзий на прибыль. Потому что для творческого человека главное – высказаться, донести путь и до не слишком широкого читательского круга нечто существенное, что выходит за рамки частного интереса и знания и обирается – книгой, той самой, которой мы обязаны «всем хорошим в себе».

Процесс издания, где выпадает звено «...можно рукопись продать...», т. е. заключить договор с издательством, которое, приняв рукопись в производство, и начинает процесс изготовления собственно книги, отнюдь не облегчает положения автора или держателя авторских прав. Исчезают редактор и корректор – посредники, и вся ответственность за качество ложится на выпускающее лицо. Понятие «качество» в этом случае всеобъемлющее – фактография, выверенность цитат, хронология, стилистика, орфография, наконец.

Это – перед набором, а потом – автор держит корректуру, сам, без помощников, и то, что в конце концов он выпускает в свет – это его прямой диалог с читателем, к которому он так стремился, и на чей суд предоставил самое важное, живо-трепещущее.

Ради этого приходится потом долго латать дыры в бюджете. Потому что с финансовой точки зрения будет только разор. Но автор, пошедший на это, никогда не пожалеет о совершенном, потому что – вот он – рукотворный след его присутствия на земле...

Я часто подхожу к той полке, где стоят издания моих друзей. Среди них – изящные, иллюстрированные томики поэзии В. А. Петрицкого и его философские труды, стихотворные сборники ленинградцев В. Халуповича, ныне живущего в Израиле, Д. Раскина – директора Исторического архива и А. Зильберглайта, физика, препо-

дающего в Беркли, воспоминания о своей жизни, вобравшей в себя громаду 20-го века нашей учительницы И. И. Славиной, только что отметившей 90-летие в широком круге многих поколений учеников, книги Льва Фиалкова и его жены Исанны Лихтенштейн, врачей (и почему эти две профессии – писательство и врачевание так связаны и так часто меняются местами в биографии человека на протяжении веков?).

Расскажу о двух из них.

Одной из первых книг израильской части нашего собрания стала трилогия Бориса Полякова «Опыт и лепет»,¹ выпущенная в 1998 г. История этого издания стала легендой. Молодой ученый Борис Поляков, заболевший в Ленинграде миопатией (прогрессирующей мышечной дистрофией), репатриировался в Израиль с женой Верой в надежде на отсрочку, облегчение страданий и возможность продолжения творческой жизни. Оказалось, что болезнь находится в необратимой стадии, но дни его были продлены благодаря неустанным заботам Веры. За исключением интеллекта, неумолимо отмирало все. Даже дышать Борис мог, только будучи подключенным к специальной машине. Но он – сочинял роман. Текст записывала Вера, догадываясь по еле слышному шепоту, горловому клекоту, шевелению ресниц, что должно следовать дальше. Ей пришлось оставить преподавание в военной технической школе, но и домашнюю работу, которой – невпроворот, приходилось делать урывками: как только у Бориса вызревала очередная фраза, она оставляла кастрюли, метелку и брала ручку и бумагу. Ночными бдениями она расшифровывала написанное за день. И так – месяц за месяцем, несколько лет подряд. В начале 1985 г. эта сизифова работа была завершена, а в декабре книга (трилогия!) вышла в свет. Средства на печатание были собраны по подписке друзьями в Израиле и в Америке, известный литератор Феликс Розинер взял на себя все технические заботы и разрешение специфических типографских вопросов. Первое издание в тысячу экземпляров, разошлось очень быстро. Борис не узнал, что книга получила престижную литературную премию, это случилось уже после его земной жизни: он умер в конце января 1986 г., успев увидеть свою (и Верину!) книгу – историю нашего современника, чье детство пришлось на ранние послевоенные годы, юность – на шестидесятые, а в зрелости пришлось бороться каждый день за возможность дышать. Человек с ярко выраженной харизмой, он до конца был окружен друзьями, не забывавшими его, навещавшими, помогавшими семье по мере сил, но без Веры ничего не получилось бы. Потому мне всегда казалось, что эта трилогия должна по праву иметь не одного, а двух авторов.

Пошло почти пятнадцать лет, с течением времени издание 1985 г. стало редкостью, хотя тираж был допечатан, а в Израиле на волне «большой алии» оказались сотни тысяч новых потенциальных читателей, которым стоило бы узнать о судьбе талантливого мужественного дважды соотечественника.

Вера вышла замуж за Зеева Грина, человека, которого иначе как беспредельно положительным назвать невозможно, настолько гармонично сочетаются в нем благородная душа, беззаветность, но и напористость на пути к цели и умение «заразить» окружающих своими приоритетами. В середине девяностых годов они начали готовить новое издание трилогии Бориса.

Зеев, специалист по промышленным котлам, технарь, казалось бы, но – театрал, знаток музыки и живописи, перфекционист, добивался всего на плюс – качественной бумаги, твердого переплета, макета. Сколько он забраковал эскизов обложки, как вычитывали они с Верой верстку, стараясь не пропустить ни одной опечатки! Преклонение перед подвигом (в данном случае это не расхожий термин, а констатация факта: Борис и Вера подвигли великое дело) выгравировало прекрасно-душие Зеева – безоглядно, отдававая всего себя, он приближал выход в свет новой, по сути дела, бориной книги, в которую на сей раз вошли его стихи и развернутое предисловие.

Накопленные сбережения ушли на издание двух тысяч экземпляров этой почтити 800-страничной нарядно-торжественной книги 1998 г.

И сразу же начался очередной этап: книга должна дойти до своего читателя. А это значит – надо связываться с книготорговыми сетями, организовывать встречи с читателями, рассыпать бандероли на разные континенты и договариваться о приеме книги в фонды библиотек. Конечно, в чем-то и как-то помогут друзья, но в основном – все ложится на плечи авторов – издателей: упаковка, почтовые издержки, перевозка пачек в те города, где проводятся презентации. Святой, благородный труд, благодаря которому трилогия Бориса (и Веры) Поляковых обрела новую жизнь, новых поклонников, стала знаковым явлением в культурной жизни русских израильтян нового тысячелетия.

Вот он, подаренный нам экземпляр «Оыта и лепета» – так, строкой из Мандельштама², Борис озаглавил свою главную книгу. А вообще – читают ли книгу? Я пошла к полке в библиотеке, где служу – хайфского университета, и увидела, что – да. Издание зачитано так, что пришлось даже отправить его в переплет и укрепить обложку. Борис Поляков – имя, которое на слуху в определенных кругах сегодняшнего Израиля, и в этом заслуга наших друзей. О такой преданности, о такой памяти можно мечтать…

Вторая книга (альбом), которой я тоже горжусь, имеет необычную судьбу. Его название на иврите «Йецер ха-ратов меод» (цитата из Мидраша³) непереводимо словно на русский. Альтернативой послужила строка Игоря Губермана «Грех прекрасен содержанием». Он создан Мириам Гамбурд – художницей и писателем, одним из ведущих израильских рисовальщиков и базируется на исследовательской работе автора, отмеченной престижным грантом. Это ее детище – воистину одно из достижений израильской книгопечатной продукции. Авторский дизайн альбома оригинален, 80 рисунков и 6 эссе представляют собой единое целое, а именно опыт

визуального воплощения священных еврейских текстов эпохи Хазал⁴. Искрометные, мастерски написанные эссе, в основе которых – проблемы взаимоотношения искусства, иудаизма, эротики и греха, иллюстрированы рисунками, выполненными в различных стилях, но всегда – виртуозно.

Каждое слово в предыдущем предложении, несомненно, заставляет удивляться. Светская! Женщина! Мириам Гамбурд комментирует и иллюстрирует интимные, эротические тесты из Талмуда и Мидрашей, сочетая знание иудаизма с универсальной культурой⁵.

Мне уже доводилось писать об этой разносторонней, ренессансно равнотспешной во многих областях искусства, художнице-скульпторе – писательнице-преподавательнице рисунка в Бецалеле – иерусалимской академии искусств. Немного повторюсь. Мириам получила грант на исследование темы «Эротика в Талмуде», которая всегда интересовала ее как рисовальщика и скульптора с одной стороны, и ученого, изучающего духовные истоки своего народа – с другой. Исследовательница обладала серьезной теоретической базой: в течение многих лет была слушательницей и участницей курсов и семинаров по изучению еврейского духовного наследия. Для выработки концепции она проштудировала канонические и современные труды ученых – комментаторов Талмуда, занималась сравнением переводов на разные языки с оригинальными текстами.

Она визуально комментирует тексты, осуществляя диалог между нарративом и рисунком, его графическим воплощением.

Но – Талмуд⁶ много жанров, так разветвлен в своих составляющих (не говоря уже о наличии двух его редакций), что выбор стройного стержня повествования не представлялся возможным. По словам автора, ее «выбор рисовальщика падал лишь на те отрывки текста, которые можно увидеть – вообразить...» Разномастные, разно-жанровые тексты и графические экзерсисы надо было облечь в конкретные очертания, чтобы они составили единый организм. На это ушли годы. Когда же исследование было завершено, все сложилось – замечательные рисунки комментируют каждое эссе, готов макет, сверены тесты на трех языках, оказалось, что дальнейшая его судьба была покрыта если не мраком, то туманом.

Легенды о созданной Мириам Гамбурд книге обрастили слухами в небольшом Израиле, кроме того, каждое эссе в отдельности с ее иллюстрациями, было напечатано в ивритской и русской периодике⁷. Часть рисунков была выставлена в парижском Салоне осенью 2003 г. Колледж, в котором преподает М. Гамбурд и который предоставил ей грант для работы над темой, разумеется, был заинтересован в издании исследования, пусть и столь специфичного. Под эгидой колледжа рукопись была представлена в одно из центральных израильских издательств «Ха-кибуц ха-меухад». Это разнопрофильное издательство с мощной полиграфической базой, не чуждое новаторским поискам. В случае с изданием исследования Мириам, финансовую поддержку готов было оказать «Мифаль ха-пайс» – управление лотерей. Но

после того, как материалы будущего альбома были представлены – издательство вернуло их автору. И так – далее.

Стоило появиться потенциально заинтересованному издателю, (а таких оказалось не менее полудюжины), они, поначалу загоравшиеся идеей выпуска, увидев макет альбома, тут же пятались, отступали.

Причина была вот в этом слове: «увидели». Еврейская цивилизация – вся – вслушивание в речь Бога и пророков, если есть в ней всматривание – то только в написанное слово. Если бы Мириам ограничилась только текстуальным комментированием, даже столь не традиционной темы, то ее исследование было бы превращено в очередную книгу на тему, которые издаются и известны,⁸ но для визуальной интерпретации, когда домысливать словесную канву нет нужды, когда все изображено – не нашлось смелого издателя.

Написано – прочитано – воображено. Нарисовано – увидено – согрено.

Более пяти лет – Мириам Гамбурд, создавшая незаурядный интеллектуальный труд, превратив его в красивую, изящную, манящую книгу, пыталась найти издателя. С течением времени она поняла, что ее рукопись (да какая же это вообще-то рукопись – готовый макет, ею же и отредактированные три языковые версии) чем-то сродни фантому. Этому неординарному произведению, синкретическому, вобравшему в себя ее душу, талант, энергию, знания, казалось, так и суждено оставаться в «эмек рафайм» (долине духов), не воплотившись в осозаемую оболочку.

И она сама выступила в роли издателя. Как и предполагалось – себестоимость такого издания была высока. В 2011 г. альбом М. Гамбурд в нарочито скромном переплете, необычного формата: он листается, как календарь, снизу вверх, что позволило расположить два текста (на иврите и английском) на одном листе (русский вариант опубликован приложением) дошел, наконец, до читателя⁹.

Тираж в триста экземпляров – как показывает практика, оказался совсем не мизерным. На презентации собирался снобистский, каким ему и полагается быть, бомонд, издание представляли на разных языках, но количество покупок не было большим.

Книготорговые сети выдвигают кабальные условия при распространении. Получается, что автор должен приплатить (да-да!) книготорговцам, если хочет увидеть свою книгу на прилавке магазина. Конечно же, библиотеки получили свои экземпляры бесплатно. Но даже близкие друзья автора альбом покупали. И это – справедливо. Пройдет время, пока большая часть экземпляров разойдется. Автор должен быть терпелив – такова судьба искусства.

В период русской перестройки и еще не сногшибательных цен на книги, издания расходились умопомрачительными тиражами. Где сейчас все эти миллионы экземпляров, большей частью сляпанных кое как, доморошенных изданий, которые сейчас берешь в руки с чувством неловкости за халтуру и небрежность производителей?

За два десятилетия стала выкристаллизовываться истинная количественная потребность в книгах. Очевидно, это что-то около тысячи экземпляров, которые найдут своих хозяев, и часть из них – будет подписана авторами, отказавшимися от посредников в диалоге с читателем.

Спасибо вам, бескорыстные наши друзья!

Примечания

¹ Поляков Б. Опыт и лепет: роман: в 3 кн. Тель-Авив: Яков-пресс, 1985. 1-е изд. – тираж 1000 экз.; 2-е изд. вышло в 1998 г. тиражом 2000 экз.

² Цитата из девятого восьмистишия Мандельштама (1933 г.): «Он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет».

³ Мидраши – зафиксированные письменно разделы устной Торы, включают в себя толкования учения, содержащегося в письменной Торе, комментируют и дополняют пропущенное в священных книгах место.

⁴ Эпоха Хазал – эпоха мудрецов Талмуда и Мишны.

⁵ Женщины уверенно вторгаются в область изучения иудаизма, и яркий пример этому Рут Кальдерон, доктор философии. Она основала школы по изучению иудаизма в Иерусалиме и Нью-Йорке, и является автором авторитетных книг и статей по исследованию Талмуда.

⁶ Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма. Включает в себя дискуссии, которые велись на протяжении почти восьми столетий законоучителями и привели к фиксации «Устного закона». Буквальное значение слова Талмуд – учение. Включает в себя, помимо дискуссий, комментарии к Мишне (основному сборнику Галахи), более поздние постулаты, философские рассуждения и серии мидрашей и агадот (притч и легенд). Нередко в них описаны реально происходившие события с реально существовавшими персонажами.

⁷ Gamburd, M. Malahim begodel' tiv'i (Гамбурд М. Ангелы в натуральную величину) // Carmel'. 2007. № 13. Р. 66–75; Гамбурд М. О, женщины, ничтожество вам имя // Окна. 2007. 10 мая. С. 28–29; Гамбурд М. Лук и стрелы // Окна. 2006. 26 окт.

⁸ См.: Boiarin D. Ha-basar she be-ruakh (Боярин Д. Плотское в духовности). Tel-Aviv: Am oved, 1999. 322 p.; Его же: Carnal Israel: reading sex in Talmudic culture // Berkeley: Univ. of California Press, 1993. 272 p.; Sheva Sh. Ahava doheket et ha-basar (Шева Ш. Любовь поглощает плоть) // Tel-Aviv, Sifriat ha-poalim, 2000. 118 p.

⁹ Gamburd M. The pulse of the evil impulse: drawings and essays (Ецерха-ра – товмеод – «Грех прекрасен наслаждением») // Tel-Aviv: Neoproduction, 2010. 217 p. + 55 in Russian.